ЛИНА ЛИЧМАН
СКАЖИ ИМ, ЧТО Я ТВОЙ
или Будь моим оправданием

Лина Личман

Скажи им, что я твой, или Будь моим оправданием

https://litres.ru/74698692
SelfPub; 2026

Аннотация

Джей привык защищать других — это его работа. Когда-то его увезли из Кореи и усыновили американцы, а годы спустя он понял: семью можно потерять дважды. С тех пор он не задаёт лишних вопросов и всегда приходит, если кому-то нужна помощь.

Минджун выглядит человеком, у которого есть всё: влиятельная семья, деньги и будущее, расписанное на годы вперёд. Никто не знает, чего ему стоили гибель матери, жестокость отца и жизнь в доме, где любовь нужно было заслуживать. Он давно не верит в бескорыстие. У него много знакомых — и только один человек, которому он звонит первым, когда случается беда.

Когда семья вновь пытается решить судьбу Минджуна, простого отказа недостаточно. Ему нужно доказательство, с которым невозможно спорить. И попросить о помощи он может только Джея.

Это история о детстве, которое не заканчивается с совершеннолетием, о доверии, которое строится медленнее, чем

рушится, и о просьбе, смысл которой каждый понимает по-своему.

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лина Личман
Скажи им, что я твой, или Будь моим оправданием

Глава 1

МЯЧ ЗА ЛИНИЕЙ

Джей

Последние пять лет свои выходные я проводил примерно одинаково: с утра приезжал на баскетбольную площадку Венис-Бич и оставался, пока солнце не опускалось в Тихий океан. Между играми мы отдыхали, спорили о счёте, ходили за водой и чем-нибудь поесть, а потом возвращались на площадку. Даже в конце сентября Лос-Анджелес не признавал осень: к полудню покрытие раскалялось так, что жар чувствовался через подошвы кроссовок. Идеальной такую погоду называли люди, которые сидели в тени, потягивая что-нибудь холодное. На третьем часу игры мне обычно хотелось с ними поспорить. За низким ограждением начинался песок, дальше тянулся океан, но шум прибоя до нас почти не доходил: по дорожке вдоль пляжа катились скейтборды, из кафешек доносилась музыка, туристы перекрикивали друг друга, а над всем этим орали чайки. Ветер с воды сушил пот на ко-

же, солил губы, приносил сладковатый запах солнцезащитного крема вперемешку с табачным дымом. От собственной майки пахло потом, а из ближайших кафешек тянуло жареной едой, и ближе к перерыву я всё чаще поглядывал в их сторону, прикидывая, что заказать. К вечеру ноги гудели, на коже оставалась соль, и домой я уезжал с ощущением, что день прошёл правильно.

Обычно нас собиралось человек шесть-восемь. Не все могли приезжать каждый раз, но без компании я не оставался. Рубена было слышно ещё с парковки: он раздавал указания обеим командам, оспаривал счёт и искренне удивлялся, когда его просили помолчать. Двое парней из пожарной части на Калвере приходили после смены и играли так, будто им запретили уставать. Студент таскал запасной мяч в рюкзаке и никому его не давал, потому что запасной. Ещё был Ди. Тихий, неопределённого возраста. С ним я провёл на площадке столько часов, что давно перестал считать. За всё это время разговоров едва ли набралось бы на пять минут. Он почти не промахивался из угла, приходил, когда обещал, и вовремя отдавал пас. Для дружбы мне этого хватало.

В тот четверг мы проигрывали восемь очков. Рубен стоял на другом краю площадки, махал рукой и громко объяснял, почему ему давно пора отдать. Я отдал. Мяч сошёл с пальцев неправильно, и уже в следующий момент стало ясно: не достанет. Рубен прыгнул, задел его кончиками пальцев и выругался. Я проводил взглядом неудачный пас — над боковой

линией, через низкое ограждение — и успел увидеть молодого мужчину в белой рубашке, стоявшего на песке с телефоном в руке.

— Осторожно!

Он начал поворачивать голову, когда удар пришёлся ему в плечо. Мобильник упал в песок. Я уже шёл к ограждению, на ходу поднимая ладонь в знак извинения, но на меня никто не смотрел. Незнакомец опустил глаза и остался стоять. Из динамика телефона продолжал доноситься мужской голос — громкий, раздражённый, с короткими паузами, в которые ответа, похоже, не ждали. Я различил несколько слов и сбавил шаг. Корейский. Вокруг по-прежнему шумел пляж, Рубен что-то кричал мне вслед, а я уже невольно прислушивался к чужому разговору, перешагивая через ограждение. Я остановился сбоку от незнакомца. На белой ткани проступило сероватое пятно. Телефон лежал экраном вверх, возле него — мяч. Хотелось сразу всё подобрать, отряхнуть, проверить, ничего ли не разбилось, но совать руки в чужие вещи я не стал.

— Простите.

Он не ответил, и я повторил. Второй раз получилось по-корейски, прежде чем я успел подумать, как это сказать. На этом языке я не говорил лет двадцать. Слышал — да: новости, сериалы и рекламу по телевизору в закусочной на Олимпик. Иногда понимал больше, иногда меньше, но сам ничего не произносил. А тут слово нашлось сразу, я даже удивился,

насколько привычно оно прозвучало моим собственным голосом.

Незнакомец поднял голову, и следующая фраза у меня из головы вылетела. Глаза были серые. Он слегка щурился от солнца, разглядывая меня, а я смотрел в ответ дольше, чем требовалось для извинения. На вид ему было около двадцати пяти. Высокий, почти с меня ростом, крепкий; рукава рубашки закатаны до локтей, на предплечье прилипло несколько песчинок. У открытого ворота блестел пот. Я был шире в плечах, но отступать от него, чтобы не нависать во время разговора, не пришлось — редкое удобство при моих ста девяноста четырёх. Он перевёл взгляд на мою майку, на руки, снова мне в лицо. Я вспомнил про плечо и хотел спросить, сильно ли попал, но он наклонился, подобрал мяч и бросил мне. Коротко, от груди, с такой силой, что мои ладони загудели. Я поймал и кивнул. Если это был ответ за плечо, вполне заслуженный. Незнакомец поднял свой телефон, стряхнул песок, провёл пальцем по экрану. На том конце всё ещё говорили. Я отвёл глаза к воде, но стоял слишком близко, чтобы ничего не слышать. Он ответил негромко, почти без выражения; я разобрал «да, отец», «понял». После ещё нескольких слов из динамика разговор закончился.

Некоторое время он продолжал смотреть на погасший экран. Большим пальцем вычищал песок из щели между телефоном и чехлом, хотя, насколько я видел, там уже ничего не осталось. Я подождал. По работе мне приходилось стоять

рядом и в более долгом молчании, но здесь я сам был причиной неприятности и хотел услышать, что плечо цело. Он убрал телефон и посмотрел на меня.

— Сильно попал? — спросил я по-английски.

— Переживу.

— Покажите, где болит.

Он чуть приподнял бровь, и я понял, как это прозвучало.

— В смысле, рукой можете двигать? Извините. Привычка.

Он повёл плечом, поднял руку и опустил. Движение было свободное, без заминки, но я всё равно следил за его лицом. Он заметил.

— Правда, всё нормально.

— Хорошо.

Английский у него был свободный, без заметного акцента. Говорил он тихо, и рядом с шумной площадкой мне приходилось прислушиваться. На рубашку посмотрел только сейчас, когда я невольно опустил глаза к пятну. Провёл по нему ладонью, размазал пыль и тихо выдохнул через нос. Это была первая понятная мне реакция за всё время. Белую рубашку я бы тоже пожалел.

— Химчистку я оплачу, — предупредительно произнёс я. — Оставлю номер, пришлёте счёт.

— Спасибо, не нужно.

— Уверены?

— Это просто рубашка.

Я кивнул и больше настаивать не стал. С площадки до-

неслось моё имя. Рубен хотел знать, вернусь я в этом году или ему искать замену. Я поднял руку, попросил минуту и получил в ответ достаточно подробное мнение о том, сколько уже длилась предыдущая. Незнакомец посмотрел через моё плечо. Чтобы видеть площадку, он немного развернулся, оставив сбоку проход к парковке, и я машинально сместился следом. Только теперь заметил, что всё это время стою у него на пути.

— Здесь рядом кофе хороший, — сказал я. — Давайте хотя бы угощу.

Он посмотрел на меня внимательнее, потом достал телефон и проверил время. Я ожидал отказа. Предложение и самому казалось не самым удачным: жара, незнакомый потный мужик, чужая игра за спиной. Но уходить сразу после того, как он сказал, что всё нормально, почему-то не хотелось.

— А как же ваши? — спросил он.

— Они сейчас без меня попробуют. Вдруг лучше получится.

Из-за ограждения немедленно донеслось:

— Получится!

Я не обернулся. Уголок рта у него дрогнул, и я почувствовал облегчение, совершенно несоразмерное этой короткой улыбке. Он ещё раз взглянул на телефон, погасил экран и убрал его в карман.

— Хорошо. Где кафе?

— Рядом. Только вещи заберу.

Возвращаясь на площадку, я услышал от Рубена всё, что полагалось услышать за такой уход. Пока натягивал футболку на мокрую спину, он успел найти мне замену, пересчитать команды и ещё раз напомнить про восемь очков. Ди забрал мяч, отошёл в свой угол и попал. Я показал, что видел, и вышел за ограждение. Незнакомец ждал у дорожки, держа руки в карманах. Когда я подошёл, он немного посторонился, пропуская меня вперёд. До кофейни было метров сто. На дорожке приходилось обходить прохожих, уступать самокатам и смотреть под ноги: возле лавок валялись пластиковые крышки и бумажные салфетки, которые ветер гонял по песку. Я держался ближе к краю, чтобы нам не пришлось идти друг за другом. Некоторое время он всё равно оставался на полшага сзади, потом поравнялся. На ходу расстегнул ремешок часов, чтобы ослабить, и чуть сдвинул их по запястью. Под ними обнаружилось несколько старых светлых шрамов. Я успел их заметить и отвёл глаза, прежде чем он поднял голову. До кофейни оставалось несколько шагов.

— Нам сюда, — сказал я, показывая на открытую дверь под выцветшим навесом.

Внутри было прохладнее. Пахло кофе, нагретым хлебом и влажной тряпкой, которой Лупе протирала стойку. Сквозь музыку доносился шум пляжа, но здесь хотя бы не приходилось говорить громче обычного. Я бывал в этой кофейне несколько лет и знал, какой стол не шатается, где удобнее поставить ноги и сколько времени у меня есть, прежде чем

Лупе спросит, почему я опять пришёл без ребят.

— Сегодня рано, — сказала она, отложив тряпку.

— Незапланированный перерыв. Мне как обычно.

Она посмотрела на моего спутника.

— Чёрный кофе, пожалуйста.

— И воды, — добавил я. — Две.

Я потянулся за кошельком, но он уже приложил карту к терминалу. Всё произошло так быстро, что спорить пришлось бы с оплаченным чеком. Я посмотрел на него; он убрал карту и взял стакан воды, будто ничего необычного не случилось.

— Вообще-то я вас пригласил.

— Вы и показали, куда идти.

Лупе поставила перед нами кофе и подтолкнула ко мне второй стакан с водой. Я взял его, поблагодарил и решил не устраивать торг возле стойки. Утешился тем, что теперь у меня оставался законный повод угостить его в другой раз.

Мы сели у окна. Он первым занял стул лицом к двери, а мне досталось место напротив. Обычно я выбирал его сторону, но предлагать поменяться было бы странно. Я отодвинул стул, устроил ноги под маленьким столом и всё равно задел его колено.

— Извините. Здесь мебель рассчитана на людей поменьше.

Он посмотрел вниз, сдвинул свою ногу и чуть повернул стул. Я поставил перед ним воду и протянул руку.

— Джей.

— Минджун.

Ладонь была тёплая, хватка крепкая, короткая. Он отпустил мою руку и взял воду. Я повторил имя про себя, чтобы запомнить. В тени глаза у него казались темнее, и теперь можно было смотреть, не щурясь, что не слишком помогало. Я отпил воды и отвёл взгляд к окну. Снаружи парень в огромных наушниках пытался развернуть скейтборд, не задев женщину с коляской. Минджун тоже посмотрел на него, и какое-то время мы молча следили за этими манёврами. Мне было интересно, не вырос ли он здесь, как я. Может, мы даже ходили в одни и те же места, только в разное время. Хотелось найти что-нибудь общее, кроме языка, на котором я едва сумел извиниться.

— Вы местный? — поинтересовался я.

— Нет, приехал три недели назад. Поступил в бизнес-школу.

— Как вам здесь?

Он поставил воду и чуть улыбнулся.

— Пока привыкаю.

Я кивнул. Можно было спросить надолго ли и откуда именно он приехал, но это уже начинало напоминать заполнение анкеты. Минджун повернул стакан за картонный ободок, посмотрел на дверь. Телефон положил рядом, экраном вверх. У меня не было уверенности, что ему хочется разговаривать, поэтому я дал паузе продлиться.

— Вы давно здесь живёте? — спросил он сам.

— В Калифорнии вырос. В Венисе несколько лет.

— Тогда вы, наверное, уже привыкли, что без машины никуда.

— Привык. Жаловаться продолжаю.

Он чуть улыбнулся и рассказал, как на прошлой неделе решил пройти пешком до магазина, который на карте выглядел совсем рядом. Обратно вызвал машину. Я спросил, до какого; услышав название улицы, признал, что первую половину пути он, скорее всего, держался молодцом. Разговор понемногу пошёл. Он говорил негромко, иногда останавливался, подбирая более точное слово, хотя английского ему хватало с запасом. Я перестал следить за его плечом и обнаружил, что слушать его приятно даже про расстояния между продуктовыми магазинами.

Кофе он пока не трогал. Снял крышку, выпустил пар, потом снова взял воду. Я тоже пил воду: после площадки хотелось холодного. Лупе вынесла за соседний стол тарелку с горячим сэндвичем, и я проводил её глазами. Минджун заметил.

— Вы не успели поесть?

— Собирался после игры.

— Можем заказать.

— Пока подожду. А вы?

Он покачал головой и подвинул к себе кофе. Я не стал звать Лупе. В конце концов, еда никуда не убегала, а он мог в

любую минуту сказать, что ему пора. Я поймал себя на том, что предпочитаю не прерывать разговор, и сделал вид, что просто слишком разогрелся для горячего сэндвича.

— У вас хороший корейский, — сказал Минджун. — Почему вы начали по-английски?

— Потому что на нём обычно и говорю. Корейский остался с детства. Сегодня сам удивился.

— Вы там родились?

— Да. Но вырос здесь.

Он кивнул и не стал спрашивать дальше. Я был готов к продолжению: сколько мне было лет, где родители, почему не говорю дома. Обычно вопросы задавали без всякого дурного намерения, и я отвечал так же привычно, как называл адрес. Но сейчас мне не хотелось рассказывать свою биографию. Минджун отпил кофе, посмотрел на стакан и сказал, что я не обманул: хороший. Я почувствовал к нему благодарность за то, что мы можем просто сидеть и пить этот кофе, ничего больше не объясняя.

Телефон завибрировал на столе. Он взглянул на экран и сразу перевернул его, но от этого звук стал только громче: корпус дребезжал о пластик. Минджун положил сверху ладонь. Я отвёл глаза, потянулся за водой и обнаружил, что уже выпил всю. Можно было встать, дать ему поговорить, но он не тянулся принимать звонок. Я остался на месте.

— Это отец, — сказал он наконец. — На пляже тоже был он.

— Вам нужно ответить? Я могу отойти.

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Минджун убрал ладонь, дождался, пока телефон замолчит, и подвинул его подальше от себя. Я кивнул. Ни спрашивать, что случилось, ни объяснять, сколько успел услышать, не хотелось. Он сидел достаточно близко, чтобы я заметил, как напряглись пальцы на стакане, но знать причину мне не полагалось. Через некоторое время он разжал руку и взял кофе другой.

— А вы в будни всегда свободны? — спросил он.

— Нет, выходные плавают.

— Сменная работа?

— Полиция. Патруль.

Он поставил стакан на стол. На секунду задержал на мне взгляд, и я уже приготовился к обычным вопросам: где служу, давно ли, можно ли оспорить штраф, который выписали совершенно несправедливо. Но Минджун ничего такого не спросил. Посмотрел на дверь за моей спиной, потом снова на меня.

— Поэтому вы сначала проверили, могу ли я поднять руку?

— Обычно я просто спрашиваю, нужна ли помощь. Сегодня немного увлёкся.

— Я заметил.

В его голосе уже слышалась усмешка. Я позволил себе улыбнуться в ответ и откинулся на спинку стула. Он тоже

устроился свободнее, вытянул одну ногу сбоку от стола. Мне пришлось подвинуть свою, но на этот раз мы хотя бы обошлись без извинений. За окном прошла компания с пляжными полотенцами, на секунду закрыв свет. Когда они ушли, Минджун повернул лицо к окну, и солнце легло ему на скулу. Я поймал себя на том, что могу потом довольно точно вспомнить этот поворот головы.

Он спросил, давно ли я играю с теми парнями. Я рассказал про Рубена, про пожарных и про Ди, которому достаточно оставить полметра в углу, чтобы пожалеть об этом. Минджун слушал внимательно, иногда смотрел в сторону площадки, хотя из окна её почти не было видно. Выяснилось, что он тоже играет. Не стал рассказывать, насколько хорошо, только уточнил, собираемся ли мы по выходным. Я объяснил, что состав меняется, но обычно кто-нибудь есть. Пока говорил, уже представлял его на площадке — в футболке, с убранным телефоном, без необходимости прислушиваться к чужому голосу.

Потом он посмотрел на часы. Я заметил движение и поставил стакан.

— Задержал вас.

— Нет, всё в порядке.

Он всё-таки допил кофе, но телефон уже убрал в карман. Я встал, не дожидаясь, пока ему придётся искать ещё одну вежливую формулировку. Стул зацепился за ножку стола; я придержал край, чтобы не опрокинуть пустые стаканы, и

освободил проход. Минджун поднялся следом. Лупе махнула нам из-за стойки. На улице стало ощутимо жарче, и я сразу пожалел о прохладе у окна.

Некоторое время мы шли рядом. На его плече всё ещё виднелось пятно, но снова предлагать чистку я не стал: он уже отказался. У поворота к парковке Минджун замедлил шаг.

— Мне сюда.

— Тогда до встречи.

Я сказал это без особой надежды. Мы не обменялись телефонами, и для того, чтобы снова встретиться на таком пляже, требовалось либо везение, либо договорённость, которую я почему-то до сих пор не предложил. Минджун кивнул, сделал несколько шагов и обернулся.

— Джей. А в субботу вы будете?

— Да.

Ответил я сразу. Расписание вспомнил уже после: в субботу у меня стояла смена с шести утра до четырёх. К площадке я в лучшем случае добрался бы к пяти, и это если дорога не встанет. Можно было сказать об этом сейчас. Минджун ждал, держа руку в кармане, и я вместо объяснения спросил:

— Часов в пять?

— Хорошо.

Он улыбнулся, на этот раз вполне заметно, и пошёл к парковке. Я остался у поворота и достал телефон. Ортис был должен мне за две июльские субботы, о чём я до этой мину-

ты собирался напомнить ближе к праздникам. Написал, может ли он подменить меня, и убрал телефон, не дожидаясь ответа. Потом всё-таки достал и проверил, отправилось ли сообщение.

На площадке отдыхали. Один из пожарных сидел в тени ограждения, студент копался в рюкзаке, Рубен пил воду. Ди бросал из своего угла и сам ходил за мячом. Я подобрал бутылку, которую оставил возле сумки, и обнаружил на дне два тёплых глотка.

— Сорок минут, — сказал Рубен.

— Мы пили кофе.

— Я видел, куда вы пошли.

Я открутил крышку и допил воду. Он ждал, явно рассчитывая на продолжение, но рассказывать было нечего: имя, бизнес-школа, три недели в городе. Остальное я и сам ещё не понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.